

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.141-151

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ КОНСТАНТИНА ФРУМКИНА

[Рец. на кн.: Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – 352 с.]

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Представлена рецензия на новую монографию культуролога и литературоведа-фантастоведа К.Г. Фрумкина. Автор монографии исходит из концепции, что культ науки как институционализированной профессиональной деятельности, неотделимый от публичного интереса к работе ученых, является специфическим маркером XX в. Вплоть до конца 20-х годов XX в. в литературе интерес к ученым не выходил за пределы общего притивопооставления интеллигенции и народа и критики науки за оторванность от реальной жизни. В дальнейшем от наукоориентированной культуры неизменно требовалось быть ближе к жизни. В 50-е годы XX в. научная среда сделалась самодостаточной, ученые впервые могли находиться почти исключительно в среде коллег, минимизируя круг общения за пределами своей субкультуры. Оформляется и коллективное самосознание научной среды, то, что автор именуется «сословной мифологией», для которой характерны неприкрытый элитаризм и своего рода «талантоцентрический расизм». После распада СССР интерес культуры к науке в России иссяк, а немногие литературные произведения на эту тему были обращены к прошлому, одновременно переосмысливая и мифологизируя его. «Любование ученым сословием» было феноменом XX в., исторически обусловленным явлением.

Ключевые слова: литературоведение, культурология, советская литература, научная фантастика, К.Г. Фрумкин, наука в культурном преломлении, научные институты

За выходом в свет новой монографии известного интеллектуала-гуманитария К.Г. Фрумкина¹ (Л-У-С) практически сразу последовал отзыв критика-фантастоведа В.А. Владимирского² [1]. Мы, со своей стороны, хотим сразу же заявить

¹ Фрумкин Константин Григорьевич (род. 1970) – журналист и культуролог. Лауреат премии им. Александра Беляева (2009) и целого ряда журналистских премий. Кандидат культурологии (2003, научный руководитель К.Э. Разлогов). Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов. Член Ассоциации исследователей фантастики (АИФА).

² Василий Андреевич Владимирский (род. 1975) – писатель, журналист, литературный критик. По образованию историк (РГПУ им. А.И. Герцена), с 1997 г. – профессиональный литературный критик. В 2002–2008 гг. ответственный редактор издательства «Азбука». Действительный член Семинара Б.Н. Стругацкого, член

о своевременности и актуальности книги в контексте интеллектуальной истории, которую сам автор именуется «социальной историей науки», подчеркивая как неразрывную связь институтов, порожденных ученой средой, с государством и обществом, так и обращенность книги к самым широким слоям населения через художественную литературу, кинематограф и даже живопись (Л-У-С, с. 5). Необычность подхода заключается в избранной источниковой базе и определении исследовательской задачи: декодировании социальных смыслов художественных произведений, связанных с социальным измерением советской науки, рассматриваемым на всем протяжении истории Советского государства от 1917 по 1991 г., внутри двадцатого века, трактуемого как «век науки». Иначе говоря, К.Г. Фрумкин исходил из того, что художественные произведения следует оценивать как «свидетельские показания» о работе ученых, хотя и определяемые как «искаженные», требующие верификации и вторичной интерпретации (Л-У-С, с. 5).

Избранная методология потребовала раскрытия используемой терминологии, ключевыми для которой являются термины «публичная культура» и «научноориентированный». Под первым подразумеваются не просто «совокупность контента» (как К.Г. Фрумкин начинает определение), но и механизмы преодоления смыслового барьера, в ходе которого недоступные по своей сути широкой публике узкопрофессиональные вопросы становятся предметом обсуждения в публичных каналах (Л-У-С, с. 5–6). Исследователю не нравится термин «научный» применительно к произведениям искусства и литературы, посвященным науке как социальной среде и ученым как сообществу профессионально занимающихся наукой, ибо прилагательное «научный» имеет отношение к содержанию научной деятельности, а не к социальным обстоятельствам её функционирования, не говоря о крайней расширительности этого понятия. Не случайно цитируется Ю.Н. Тынянов, заметивший, что «научный роман подменяется “романом о научном работнике”» (Л-У-С, с. 6), что совершенно естественно: литература по определению ориентирована на социально-антропологическое осмысление действительности, а не на проникновение в суть научных концепций. Таким образом, вскрыт следующий парадокс: в критике и литературоведении прочно закрепился определенный терминологический ряд («деревенская проза», «производственный роман», «производственная драма»), в котором не нашлось компактного термина для беллетристики, посвященной науке. Поскольку существование явления, обладающего своими особенностями, осознавалось, в 80-е годы XX в. были попытки создания неологизмов («техносферическая проза»), которые не прижились, поскольку игнорировалась гуманитарная сфера. Именно поэтому К.Г. Фрумкин задействовал термин «научноориентированный», означающий тематическое «заострение»: в любом виде научноориентированного искусства произведения посвящены работе ученых (Л-У-С, с. 6–7).

Текст исследования разделен на 16 глав, распределенных по трем частям. Первая часть, составляющая почти половину объема книги (гл. 1–8), посвящена характеристике двадцатого века как «века науки», вторая часть касается вопросов

оргкомитетов фестивалей «Интерпресскон», «Петербургская фантастическая ассамблея», «Зиланткон», входит в номинационные комиссии премий «Большой Зилант», «Интерпресскон», «АБС-премия». Автор более двух тысяч рецензий на литературные произведения, так или иначе связанные с фантастикой. Составитель ряда сборников и антологий художественной прозы, лауреат ряда литературных премий.

антропологии науки (гл. 9–12), финальная часть (гл. 13–16) включает комплексный обзор экономики и социологии науки.

Часть первая открывается главой, красноречиво названной «Оторванность от жизни: До 1917 года». Это подлинное введение в исследование, поскольку автор убедительно доказывает, что тема отражения социальной истории науки в литературе и искусстве всецело принадлежит двадцатому веку. Наука и её адепты и носители впервые в массовом порядке заинтересовали писателей еще в веке девятнадцатом, но лишь в прикладном аспекте – как источник удивительных открытий. Поэтому, вероятно, не менее половины персонажей-ученых сделались атрибутом фантастической литературы. Типичным можно считать образ гения-одиночки, впервые продемонстрированный М. Шелли во «Франкенштейне» и продолженный многочисленными персонажами Ж. Верна и Г. Уэллса. Западные критики даже выделяли в литературе XIX в. поджанр «научного романа», в котором, как правило, демонический ученый разрушает счастье главных героев. Однако социальная роль ученых и проблемы научных учреждений в искусстве игнорировались. К.Г. Фрумкин считает это парадоксом: даже в реалистической литературе и в произведениях французского натурализма упорно воспроизводилось клише затворника, не покидающего домашней лаборатории, хотя во времена О. де Бальзака и Э. Золя крупнейшие ученые состояли на государственной службе, работали в учебных заведениях и академиях наук. Закономерно, что единственным исключением в этом ряду предстает роман А. Доде «Бессмертный», посвященный скандальным выборам во Французскую академию, члены которой именуются «бессмертными» (Л-У-С, с. 11–12). Тем не менее первый европейский реалистический роман, посвященный ученому-естествоиспытателю (Мартен дю Гар «Жан Баруа»), вышел в свет только в 1913 г. (Л-У-С, с. 15).

В русской культуре XIX в. с отражениями образов ученых было еще хуже. К.Г. Фрумкин отмечает, что, к примеру, у самого социологизированного русского классика – А.Н. Островского – в пьесах выведены представители всевозможных сословий: от чиновников и военных до крестьян, представлены профессии юриста, школьного учителя, но при этом нет ни одного профессора. Хотя, судя по данным статистики, в начале XX в. во всей Российской империи было примерно одиннадцать с половиной тысяч научно-педагогических работников³, которые в крупнейших городах образовывали устойчивую субкультуру, так называемую «профессорскую среду». Она подкреплялась огромным числом научных обществ – более 300, причем 80 из них оформились накануне революции (Л-У-С, с. 13–14). Однако социальная роль ученых была невелика (это иллюстрируется ничтожно малым числом портретов ученых, выполненных ведущими живописцами) (Л-У-С, с. 15); единственным произведением классической русской литературы, специально посвященным ученому сословию, была «Скучная история» А.П. Чехова. Важной составляющей ее идейного посыла была «негодность ученой карьеры в качестве инструмента улучшения жизни» (Л-У-С, с. 17). Более того, в немногочисленных произведениях символистов (особенно В.Я. Брюсова) сформировалась важнейшая парадигма восприятия науки – противопоставление

³ В это число входили преподаватели десяти императорских университетов. Штат Императорской Академии наук в 1917 г. составлял 220 человек (Л-У-С, с. 13).

ее реальной жизни, отсутствие убежденности в способности науки сделаться частью «общечеловеческого хозяйства» (Л-У-С, с. 20).

Колоссальным достоинством книги К.Г. Фрумкина является последовательное применение им историко-сравнительного метода – постоянного синхронного сопоставления социальной политики советской власти в отношении науки с отражением этой политики в новой художественной литературе (в отношении науки она представлена в самом начале 20-х годов XX в. именами Л.М. Леонова и И.Г. Эренбурга). Глава вторая потому и названа «Царство смерти», что жизнь и быт ученых в первые послереволюционные годы описывались строго негативно, как ситуация, в которой собственно научные интересы забыты или находятся в процессе забвения. Между тем это совершенно не соответствовало действительности, о чем свидетельствуют масштабные реорганизации научных учреждений, активное поощрение научных и просветительских обществ (Л-У-С, с. 29). Очень показательны примеры монументальной пропаганды, в рамках которой были поставлены памятники В. Рентгену (тогда еще живому и активному) – прямо напротив Радиологического и ракового института, а также К.А. Тимирязеву (1923), крупному дореволюционному специалисту, перешедшему на сторону советской власти (Л-У-С, с. 31).

Автором показано, что с середины 20-х годов XX в. начался неостановимый в последующие полвека экстенсивный рост советской науки, который К.Г. Фрумкин обозначает термином «разбухание». Символическим актом стало празднование в 1925 г. двухсотлетия Академии наук, символом которой стал М.В. Ломоносов – во многом случайно, как единственный ученый, в отношении которого еще до революции установился устойчивый «культ» (Л-У-С, с. 33). Далее автор рассматривает взаимосвязанные и параллельные процессы: в эпоху как раннего, так и развитого сталинизма процессы «чистки» академической науки, подчинения ее структур партийно-государственным и проистекающие из этого репрессии совпадали с новыми витками превознесения науки, «вплоть до новых форматов ее прославления». Численный рост научных работников был небывалым: к 1940 г. количество сотрудников вузов и структур Академии наук превышала дореволюционный в девять раз, что было возможно только за счет массовой подготовки специалистов. Создавалась подлинная научная индустрия (Л-У-С, с. 35–37). В сфере искусства эта коллизия прежде всего предстала как межпоколенческий конфликт, усиливаемый политической и идеологической напряженностью (Л-У-С, с. 48). Не случайно и соответствующая секция третьей главы называется: «Хороший профессор в плохом окружении» (Л-У-С, с. 52), что являлось сюжетным штампом, типичным даже для писателей первого ряда той эпохи, в том числе В.А. Каверина (Л-У-С, с. 59).

Изобилие сюжетов и разбираемых коллизий не позволяет последовательно проследить авторское изображение. Поэтому сосредоточимся на демонстрации нескольких ключевых мотивов, которые в свое время оказывались поворотными не только для отечественной науки, но и для всего общества, в их литературном преломлении. Между прочим, К.Г. Фрумкин присоединяется к распространенной в современной критике точке зрения, что фантастическая литература, в отличие от реалистической прозы, гораздо отчетливее демонстрирует реальные научные дис-

куссии своего времени. Но в 20-е годы XX в. фантасты, даже уровня М.А. Булгакова, были еще равнодушны к институционализации науки (Л-У-С, с. 65–66).

Мы совершенно солидарны, что квинтэссенцией сталинской эпохи стала «мичуринская» сессия ВАСХНИЛ 1948 г., то есть торжество лысенковщины. Разоблачение этого до конца не осмысленного явления затянулось, а культурный шлейф ощущался еще в 90-е годы XX в., что может быть удостоверено также и авторами настоящей рецензии. Лысенковщина названа великим «соблазном» для художественной литературы, ибо она (как и биологические науки вообще) обещала возможность свободного, широкого обращения с живыми структурами и, стало быть, иначе выстраивала границу между живым и неживым (Л-У-С, с. 90). Подобное утверждение потребовало нарушения принципа хронологического изложения, ибо возвращение веры в чудеса науки на примере биологии последовательно разворачивалось в русской литературе как раз от времен М.А. Булгакова, то есть с 20-х годов XX в. В ряд писателей, которые отдали дань биологической тематике, вновь попадают творцы первого ряда: А.П. Платонов («Эфирный тракт»), Г.С. Гор («Университетская набережная») и многие иные. Даже в горбачевскую эпоху создавались уже прямо разоблачительные произведения (Л-У-С, с. 91–97). В постсоветскую эпоху торжества постправды и мифологического сознания лысенковщина играла важную роль в «Казусе Кукоцкого» Л.Е. Улицкой, где судьба персонажа Ильи Гольдберга была основана на некоторых моментах из биографии генетика В.П. Эфроимсона. На весьма представительном кинематографическом и литературном материале делается вывод, что сама по себе лысенковщина в искусстве претерпела существенную эволюцию – от веры в чудо через агрессивный официоз, предмет разоблачений к мифу и даже предмету философствования (Л-У-С, с. 97–98).

Шестидесятые годы К.Г. Фрумкин трактует расширенно по хронологии (1954–1970 гг.). Научная среда в этот период сделалась самодостаточной, ученые впервые могли находиться почти исключительно в среде коллег, минимизируя круг общения за пределами своей субкультуры. Оформляется и коллективное самосознание научной среды, то, что автор именуется «сословной мифологией» (Л-У-С, с. 101–103). Большим новшеством становится литературная деятельность писателей, которые по своей основной специальности являлись научными работниками и уделяли первоочередное внимание науке именно в силу этого обстоятельства: И.С. Грековой и Б.Е. Бондаренко. При этом с жанровой точки зрения «роман об ученых» не выходил из шаблонной специфики сталинского производственного романа, только коллизия борьбы «передовых инженеров с отсталыми директорами» была перенесена в стены НИИ. Жанр производственного романа в 60-е годы XX в. также никуда не исчез, и в нем начинают доминировать люди умственного труда, рационализаторы, которые стремятся изменить существующую реальность. Серьезное влияние на самоидентификацию нового поколения ученых оказывает кинематограф, что отмечено и в литературных произведениях (Л-У-С, с. 109–111).

Общеизвестно, что в послеоттепельную эпоху совершенно особое – одновременно мейнстримное и маргинальное – положение в советской культуре стала занимать научно-фантастическая литература. Поворотным моментом стала публикация «Туманности Андромеды» И.А. Ефремова в 1957 г. Этот роман задал

тенденцию изображения коммунистического будущего как своего рода НИИ, выросшего до размеров земного шара, мира ученых. В этом контексте совершенно справедливо цитируется известный критик-фантаст В.А. Ревич, отмечавший и религиозную функцию науки в вымышленном мире И.А. Ефремова (Л-У-С, с. 111)⁴. При этом ведущим автором, поместившим научно-исследовательский институт и научную среду в самый центр повествования, называется В.И. Савченко⁵, который продолжал данную тематику до XXI в. Его последний роман «Время больших отрицаний» (2002) посвящен выживанию НИИ после распада Советского Союза (Л-У-С, с. 111). В 70-е годы XX в. по поводу социальной связи фантастической литературы и науки пытались рефлексировать Е.И. Парнов и А.Ф. Бритиков, причем первый стремился доказать, что фантастика существует на стыке науки и искусства, следуя за тематическими сдвигами науки, тогда как второй занимал более умеренную позицию, отмечая, что «научная правда» занимает в фантастической литературе далеко не главное место (Л-У-С, с. 112).

Говоря о функциях наукоориентированной литературы, К.Г. Фрумкин отметил, что в оттепельную эпоху литература в целом избавилась от обслуживающей функции, связанной с проведением общественно-идеологических кампаний, обретя относительную автономность. Применительно к предмету монографии это оборачивалось ростом новой зависимости – мнение о науке в целом внутри научной среды начинает формироваться через писателей-ученых. Знаковой стала повесть А.Н. и Б.Н. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», посвященная на уровне подзаголовка младшим научным сотрудникам. Резко снижается значение типового героя «великий ученый» (Л-У-С, с. 114–115). И закономерно происходит возрождение поколенческой тематики, которая в наиболее превращенной форме предстала в повести братьев Стругацких «Попытка к бегству» (1962), посвященной на глубинном уровне конфликту «невинных» шестидесятников и человека, у которого за плечами опыт сталинских лагерей (Л-У-С, с. 119). Выявлен и романтизирующий пласт в шестидесятнической фантастике. Почти в одно и то же время вышли стругацковский «Понедельник», прототипом Научно-исследовательского института чародейства и волшебства в котором послужила Пулковская обсерватория, и роман И.П. Штемлера «Уйти, чтобы остаться». В реалистическом повествовании о буднях открывателей звезд предстает «удивительно

⁴ Важное обобщение в данном контексте предложил известный современный писатель и ученый-китаевед В.М. Рыбаков (род. 1954): «У нас же ситуация сходная, но полярная. Светлое или мрачное будущее вернулось туда, откуда оно пришло в литературу: в мир иной, духовный. В мире сем мы сейчас уже ничего сообщать не хотим. Сообщать мы даже ничего не НЕ ХОТИМ» [2].

⁵ Владимир Иванович Савченко (1933–2005) – русский советский писатель-фантаст. По образованию инженер-электрик (окончил Московский энергетический институт), работал в Институте автоматики Госплана Украинской ССР, затем в Институте кибернетики АН УССР, автор зарегистрированных изобретений и научных работ в области полупроводников и микроэлектроники. Основной научный труд «Технология и свойства микроэлектронных диодных матриц» (1965). В статье 1992 г. «Пятнадцать новых формул физики и космологии. Вселенское корреляционное Поле Действия (U-поле), проявляющее себя Универсальной связью величин и явлений» заявил о возможности начала нового этапа в развитии естествознания, соединяющего аналитические и счетные методы с чувственно-иррациональными [3].

Первая литературная публикация 10-летнего Вовы Савченко состоялась в журнале «Мурзилка» (сказка «Как лиса Фрица к партизанам привела»). Первая научно-фантастическая публикация последовала в 1955 г. в журнале «Знание – сила», обозначив генеральную тематику творчества писателя – потенциал незаурядной личности. В фантасты первого ряда вошел после выхода в свет романа «Открытие себя» (1967), посвященного копированию людей и возникающим при этом этическим проблемам. Член Союза советских писателей с 1972 г., в 1993 г. вышел из состава украинской *Спілки письменників*. В 2003 г. удостоен литературной премии «Аэлига» за вклад в русскую фантастику. Скончался в Киеве, погребен на Перепечинском кладбище в Москве.

серый унылый мир», в котором все его обитатели бесконечно скандалят по любому поводу, лебезят перед начальством из-за жилплощади, ломают подчиненных и так до бесконечности (Л-У-С, с. 120). Парадоксально, но по оценке с позиции XXI в. преклонение перед молодыми героями в шестидесятые было так велико, что может ныне рассматриваться как разновидность расизма («наука... столь прекрасна, что быть ее достойны могли лишь избранные») (Л-У-С, с. 123).

Точной границы между «большими шестидесятыми» и так называемой застойной эпохой невозможно определить ни в культуре, ни в государственной политике. Глава, посвященная этому периоду, недаром носит название «Конец прекрасной эпохи», вызывая множественные эстетические ассоциации. Вплоть до начала 80-х годов XX в. действовали прежние тенденции экстенсивного роста научной инфраструктуры: по-прежнему основывались и строились новые институты (например, был доведен до конца проект величайшего на тот момент в мире оптического телескопа БТА). К 1988 г. численность научных работников достигает невиданных 1 млн 522 тыс. – максимум за всю отечественную историю от учреждения Академии наук (Л-У-С, с. 124). Уникальность данной эпохи для осмысления состоит в том, что значительная часть активно действовавших тогда интеллектуалов дожили практически до нашего времени, и их позднейшие мемуары являются во многих отношениях незаменимым источником, дополняющим сухие официальные протоколы и данные статистики. Культ науки в государстве (это отразилось и в художественной литературе) продолжался по инерции: вероятно, и сами люди искусства и курирующее их начальство исподволь пришли к выводу, что после создания ядерной энергетики и электронно-вычислительных машин новых радикально меняющих человеческую жизнь инноваций более не просматривается (Л-У-С, с. 330). Научные учреждения перестали восприниматься как источник чудес, что парадоксально являлось скрытой формой иррационализма в век сциентизма и рационализма. Тоска по чуду выразилась в повальном увлечении с середины 70-х годов XX в. нетрадиционными (впрочем, и традиционными тоже) духовными практиками, йогой, парапсихологией и уфологией, что проявилось в творчестве советских писателей первого ряда: Ю.В. Трифонова и В.С. Маканина (Л-У-С, с. 139).

В литературных произведениях об ученых авторы и читатели все меньше интересовались тематикой научных исследований (отчасти потому, что она казалась слишком сложной и далекой от жизни) (Л-У-С, с. 133). При этом социальное мировоззрение позднесоветской прозы К.Г. Фрумкин характеризует как «талантоцентрический расизм»: укоренились и настойчиво внедрялись представления, что полноценным участником научного сообщества может считаться только обладатель больших способностей и талантов, а прочие являются лишь «недочеловеками», даже хуже того, дармоедами, оправданием которым является только служба помощником или другом/подругой выдающегося ученого. Если же бесподобный человек достигал в научно-исследовательском институте или вузе высших руководящих постов, то это считалось антиобщественным явлением, чуть ли не преступлением (Л-У-С, с. 330). Данным сюжетам посвящены целые главы второй и третьей частей исследования, даже беглый обзор которых потребует самостоятельной рецензии.

Научная фантастика явилась и своеобразным «шлюзом» в новую – постсоветскую эпоху (глава «Жизнь после смерти: время воспоминаний и мифов»). Фантастика именуется автором единственным направлением культуры, сохранившим «верность научной теме». В известной степени она дополняется и переплетается с документальной и мемуарной литературой. Эталонным документальным произведением называется «Зубр» Д.А. Гранина, вышедший в 1987 г. Наиболее качественным в литературном отношении произведением наукоориентированной культуры является «Очаг на башне» В.М. Рыбакова (1990). Это произведение носит, как и мейнстримный «Зубр», мемориальный характер, и действие в нем разворачивается в советское время (Л-У-С, с. 146). Последовательно тематику жизни постсоветских НИИ вплоть до начала XXI в. разрабатывал один только Владимир Савченко – своего рода «ровесник века» советской наукоориентированной литературы. Роман «Должность во Вселенной» (1992) К.Г. Фрумкинским обозначен как «памятник советскому научному романтизму» и философское завершение «истории самооценок и самоинтерпретаций научной среды» (Л-У-С, с. 146), поскольку главное содержание этого текста сводится к демотивации научной деятельности. «...Заниматься наукой можно и даже можно добиваться на этом поприще блистательных успехов, но непонятно зачем, и во имя чего, и непонятно, будут ли приносить эти блистательные успехи удовлетворение» (Л-У-С, с. 150). Последний роман В.И. Савченко «Время больших отрицаний» (опубликованный только в 2015 г.), по оценке К.Г. Фрумкина, представляет собой редкий случай осмысления положения ученых в 90-е годы XX в., написанный «по горячим следам». Принципиально важно для тематики монографии то, что именно в этом романе автор открыто провозглашает теорию, согласно которой только ученым должна принадлежать власть. Темой романа является превосходство интеллектуала, аристократа духа и ума, над «властвующим плебеем». Убежденность, что ученые представляют собой подлинную аристократию, подготавливалась всей наукоориентированной советской культурой постсталинского периода. «Отчаяние, порожденное разрушением привычного уклада жизни, в 90-е годы XX в. заставило В.И. Савченко вывести на поверхность это давно готовое, но затаенное элитаристское воззрение» (Л-У-С, с. 151).

Подводя итоги предварительному обзору многомудрой и многоплановой монографии К.Г. Фрумкина, следует обратить внимание на эстетическую сторону издания. Книга снабжена тетрадью цветных изображений: репродукций произведений живописи и кадров из кинофильмов, которые иллюстрируют соответствующие главы книги. Это, несомненно, облегчает усвоение материала молодыми читателями, которые (как и авторы настоящей рецензии) не успели в свое время в полном объеме соприкоснуться с советской научной культурой, в том числе по обстоятельствам социального происхождения. В приложение вынесены списки произведений: отдельно мейнстримной прозы (периода от 1889 до 2000 г. – от А.П. Чехова до Л.Е. Улицкой) и отдельно научной фантастики (1906–1995 гг. – от Н.Ф. Фёдорова до В.И. Савченко), драматургии (включая «Детей Солнца» М. Горького), поэзии (от В.Я. Брюсова до А.А. Вознесенского) и мемуаристики. Визуальный ряд дополнен перечнем кинофильмов (1913–1990 гг. вплоть до телефильма «Николай Вавилов» режиссера А.А. Прошкина) и списком

портретов ученых (не исключая «Портрета Д.И. Менделеева» И.Е. Репина) и жанровых картин (написанных в 1939–1987 гг.).

Источники

Л-У-С – Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – 352 с.

Литература

1. *Владимирский В.* Константин Фрумкин изучил трансформацию образа ученого в советской литературе и искусстве⁶ // Санкт-Петербургские ведомости. – 2022. – 21 сент. – № 176 (7259). – URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/konstantin-frumkin-izuchil-transformatsiyu-obraza-uchenogo-v-sovetskoj-literature-i-iskusstve/>, свободный.
2. *Рыбаков В.* Фантастика как религиозная литература // Вячеслав Рыбаков. Официальная страница: Русская фантастика в сети. – URL: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/pub14.html>, свободный.
3. *Савченко В.И.* Пятнадцать новых формул физики и космологии. Вселенское корреляционное Поле Действия (U-поле), проявляющее себя Универсальной связью величин и явлений: (Статья в ЖРФМ, Журнале Русской Физической мысли №1-12/1992 с поправками-2003) // Сайт памяти Владимира Савченко. – URL: <http://savch.com/pub/Inf-pism.htm>, свободный.

Поступила в редакцию
20.09.2022

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: juliemartynova82@gmail.com

⁶ В бумажном варианте публикации статья получила название «Баллада о сверхобычном человеке».

BOOK REVIEW

doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.141-151

A New Monograph by Konstantin Frumkin

[Review: Frumkin K.G. *Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art, and Public Rhetoric*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 352 p. (In Russian)]

*D.E. Martynov**, *Yu.A. Martynova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: * dmitrymartynov80@mail.ru,

** juliemartynova82@gmail.com

Received September 20, 2022

Abstract

This article reviews a new monograph by K.G. Frumkin, an eminent culturologist and literary critic. He argues that the cult of science, as an institutionalized professional activity inseparable from the public interest in the work of scientists, is a specific feature of the 20th century. The ideological confrontation of the 1920s and 1930s touched little upon literature. In the fiction of that period, scientists were portrayed as inventors of fantastic military vehicles. After the 1950s, the relationship between scientific institutions and the state took a back seat in literature, while the relationship between scientists came to the fore. The scientific environment became self-sufficient. For the first time scientists were almost exclusively among colleagues, and the social circle they had outside their subculture shrank. The collective self-awareness of the scientific community was also taking shape. The author describes it as a “class mythology” characterized by undisguised elitism and “talent-centric racism.” The collapse of the USSR did not destroy Russian science, but the public enthusiasm for it practically dried up. A few literary works of that time referred to the past, both by rethinking and mythologizing it. The “admiration of the academic class” is thus a historically rooted phenomenon of the 20th century.

Keywords: literary criticism, cultural studies, Soviet literature, science fiction, K.G. Frumkin, science in cultural point of view, scientific institutions

References

1. Vladimirskii V. Konstantin Frumkin has studied the transformation of the image of the scientist in Soviet literature and art.⁷ *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, 2022, Sept. 21, no. 176 (7259). Available at: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/konstantin-frumkin-izuchil-transformatsiyu-obrazazhchenogo-v-sovetskoy-literature-i-iskusstve/>. (In Russian)
2. Rybakov V. Speculative fiction as a religious literature. *Vyacheslav Rybakov. Official Website: Russian Fiction on the Web*. Available at: <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/publ4.html>. (In Russian)
3. Savchenko V.I. Fifteen new formulas of physics and cosmology. Universal correlation Field of Activity (U-field) manifesting itself as a Universal connection between variables and phenomena: (Article from

⁷ Originally printed under the title “The Ballad of a Too Ordinary Man.”

the Journal of Russian Physical Thought, no. 1-12/1992, with corrections as of 2003). *Website in Memory of Vladimir Savchenko*. Available at: <http://savch.com/pub/Inf-pism.htm>. (In Russian)

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Новая монография Константина Фрумкина [Рец. на кн.: Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 5. – С. 141–151. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.141-151.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A. A new monograph by Konstantin Frumkin [Review: Frumkin K.G. Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art, and Public Rhetoric. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 5, pp. 141–151. doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.141-151. (In Russian)